

Sipko, Jozef

Компрессированные (свернутые) тексты II.

Opera Slavica. 1996, vol. 6, iss. 4, pp. 29-38

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116845>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

КОМПРЕССИРОВАННЫЕ (СВЕРНУТЫЕ) ТЕКСТЫ II.

Йозеф Сяпко

Русские журналисты, описывая реализм наших дней в России, чаще всего обращаются к аналогии из отечественной истории. Известные события русской истории, отдельные ее эпизоды, известные лица прошлого зафиксированы в русском языке довольно крепко. Авторы находят аналогии и сравнения с самыми древними временами русской и славянской истории. Начало Киевской Руси, как начало русской государственности, связано традиционно с «приглашением варягов в Новгород». По традиции славянские послы обратились к варягам с известным предложением - «Земля у нас богата, да порядка в ней нет». Данный, исторической традицией усвоенный сценарий, отражается в разных намеках журналистов, как правило, ироническо-сатирических и критических - *«Приедем к варягам, попросим, авось дадут нам Рюрика, Пусть владеет»*. (О, 1991, 18 - намек на неспособность русских властей). В рубрике «Двенадцать стульев» ЛГ была напечатана интересная пародированная «История Государства Российского», где мотив - «Земля у нас богата, а порядка в ней нет» повторяется при интерпретации всей русской истории. Если упомянутый исторический мотив создает критическую оценку и для современности, то следующий наделяется высоко положительной - *«Кто к нам с мечом придет...»* (МК, 5. 1. 94 - слова приписываются А. Невскому, которые он произнес после победы русских над немецкими рыцарями на льду Ладожского озера в 1242). Эти слова содержат мысли о миролюбии русского характера, но и о военных способностях русских - это и предупреждение всем врагам России. Великие личности русской истории создали много словесных источников для поучений, в том числе и насмешливых - *«Равноапостольский князь Владимир звал людей из Византии, Петр Великий из Европы. Значит, мы должны учиться у американцев»* (МН, 1991, 31). В далеком прошлом ищутся и параллели с трагическими событиями, как это в стихах Л. Лаврина: Золотая Орда (ЛГ, 1990, 51)

Воют волки по городу Киеву
 А в Москве погорельцев обвал.
 Снова вижу я банду Батыеву
 Тетивую натянут оскол.

Лошадиными их перекличками
 Век за веком в огне голосит
 Золотая Орда электричками
 По России со свистом летит.

Автор явно сравнивает украинских националистов и «гостей Москвы» с монголами 13-го века. Когда в целях идеологии православия была высказана мысль о Москве как о «третьем Риме» (Филофеем Псковским в письме Василию III), ее автор вряд ли предполагал, что она доживет в русском языке до наших дней - «Разведка в первом Риме и в Третьем» (НГ, 10. 4. 94). Если мы читаем - «Ермацкая поездка Леонида Ильича по Сибири» (ЛГ, 1993, 22), то путешествия Брежнева по Сибири выглядят как пародия на славного завоевателя Сибири Ермака. В ироническом духе употребляются и другие исторические фразы - «Переход Суворова через таможеню» (КП, 28. 9. 93 - в данном случае легендарный переход Суворова через Альпы, который известен и благодаря одноименной картине Сурикова, создает базу для пародийного сравнения с деятельностью современных контрабандистов). Эта фраза стала в некоторой степени «популярной» среди журналистов - «Переход с Суворовым через кризис» (МН, 1994, 6 - с новыми деньгами в Приднестровье с портретом Суворова - так называемые «суворики»). Тот же иронический тон чувствуется и в перифразе известного предложения - «Турецкий султан пишет Запорожцам» (МК, 5. 2. 94). Из приведенных и других иллюстраций явствует, что в «демократической» печати рассматриваемые единицы реализуются часто в комическо-ироническо-сатирическом контексте. Для «патриотической» периодики типичным является определенный пафос, «серьезность», пессимизм и надежды, односторонний критицизм и идеализация разных сторон русской истории - лиц, событий, идей - «Я верю, что и всегодняшнее смутное время появляются у нас *Мишны* и *Пожарские*» (ЛР, 1990, 51 - известные вожди национальной войны против иностранцев в начале 17-го века становятся прототипами настоящих «национальных вождей»). К тому же времени относится и следующий пример - «Ведь это они - *черносотенные ублюдки* - помещали *Лежедимитрию* второму начать в измученной стране *перестройку*, и она оказалась в костях *Михаила Романова*» (НС, 1990, 12 - в авторской интерпретации именно «черносотенные ублюдки» - так их характеризуют в «демократиче-

ской» печати - спасли страну). Деление бывшего СССР тоже отрицательно воспринимается «патриотами» - «Мы снова начнем дробить нашу единую Родину на *улусы и удель*» (ЛР, 1990, 50 - имеются в виду административные единицы в царской России). Каждая известная эпоха запечатлена в народной памяти чем-то оригинальным и привлекательным. Петровские реформы со своими противоречиями представляют подходящий языковой материал для разнообразных аналогий. - «Здравствуй, *утро стрелецкой казни*» (О, 1994, 8 - «привет» Руцкому после его освобождения из заключения, как одному из главных виновников «утра стрелецкой казни» в октябре 1993). Движение декабристов, стойкость некоторых их жен отражается в предложении - «Вряд ли я похожа на *декабристку* но, возможно я отпавилась бы вместе с ребенком на эти два года к мужу» (О, 1990, 47 - намек на добровольную ссылку декабристок). Бюрократы пугают простого человека и сегодня. Они тоже имеют свои исторические прототипы - «Современные *бекендорфы* унижат гения своим отказом» (ЛГ, 1992, 22 - аналогия современных запретов на заграничные поездки с эпохой министра Николая I). С той же эпохой связан и другой исторический параллелизм - «...во время *Крымской войны* Николай I сказал в сердцах наследнику: «Мне кажется, *что в России только ты да я не ворует*» (О, 1991, 17 - репортаж из мясокомбината вроде как бы подтверждали слова царя). Хочется заметить, что подобные сравнения не употребляются в «патриотической» прессе, наоборот - она их считает «русофобией». Однозначно «демократически» звучит предложение - «Указ о департизации можно сравнить с указом об *обмене крепостного права*» (МН, 1991, 31 - положительная оценка современного указа).

Наш обзор на пороге 20-го века, обозначенного событиями в мире и в России. В наших иллюстрациях он представлен и самым богатым публицистическим материалом. Настоящим символом многих социальных потрясений является феномен Распутина и его трагическое влияние на судьбу России через царскую семью. ЛГ (1989, 13) под заголовком - «*Распутищина на пороге*» отвергает телесеансы Кашпировского такими рассуждениями - «К счастью, в его времена (Распутина) не стоял в каждом доме телевизор, и он не мог вмешиваться в жизнь каждой семьи. А если бы смог?»

Целая серия этнокультурных историзмов относится к революционному движению, к деятельности Ленина и большевиков, к его известным выражениям, высказанным на разных заседаниях и письменно. В период развития коммунистического движения бытовало известное крылатое выражение о призраке коммунизма в Европе. Оно функционирует и сегодня - «*Призрак коммунизма покидает нашу Галактику*» (НВ, 1993, 40 - после октябрьских событий 1993). И главный лозунг «Коммунистического манифеста» употребляется относительно часто в ироническом направлении - «Попробуйте, может вам все-таки

удается *соединить пролетариев всех стран?*» (МН, 1993, 36 - ироническое обращение к газете «Правда»), но и в первичном положительном значении - *«Академики всех стран, соединяйтесь!»* (П, 29. 10. 93 - серьезный призыв в духе оригинала). Перед выборами в декабре 1993 многих избирателей волновал вопрос - *«Есть такая партия?»* (ЛГ, 1993, 49), некоторые журналисты отвечали прямо - *«Есть такая партия - Шахрая»* (Кур., 19. 10. 93 - в обоих случаях употреблено известное выражение Ленина о решимости большевиков взять власть в свои руки). Из дооктябрьских месяцев 1917 года взято и следующее предложение - *«Вся власть налогоплательщику!»* (Изв., 15. 10. 93 - в оригинале «советам»). Естественно, что чаще всего этнокультурные историзмы революционной эпохи подвергаются коренной оценочной трансформации - *«Было бы актом исторической справедливости поставить памятник и жертвам потемкинцев, народолюбцев, эсеров, пугачевскоцев, чапаевцев»* (НС, 1990, 12 - за подчеркнутыми словами скрыты богатые трагические сюжеты в истории России 19 и 20 веков). Не менее известен русскому человеку и фон пародизированного предложения - *«Апрельские тезисы Ильича оказались первоапрельскими»* (ЛГ, 1992, 31 - намек на их исторический провал), *«Антиапрельские тезисы»* (МН, 1993, 7 - предложение, как выйти из политического кризиса - мирным путем в противовес известных революционных тезисов Ленина). Не забыты и названия теоретических трудов Ленина - *«Детская болезнь левизны в автомобилизме»* (КП, 20. 2. 93 - в оригинале «в коммунизме» - имеются в виду недостатки в автомобилизме), *«Нужны реформы не по принципу: шаг вперед - два назад»* (Аиф, 1993, 40), *«Урод, как зеркало русской революции»* (КП, 30. 9. 93 - в оригинале «Толстой как ...» - речь об алкоголизме), *«Коммунизм - высшая стадия фашизма»* (ЛГ, 1993, 40 - в оригинале «Империализм - ...» - имеется в виду союз коммунистов и фашистов в октябрьских событиях 1993 г.). С лексиконом Октябрьской революции контактируются события, в которых авторы видят всякого рода аналогии. После Октябрьских боев в 1993 в Москве сразу напрашивалась историческая параллель - *«Октябрьская революция номер 2 провалилась»* (ВМ, 5. 10. 93), *«Черный октябрь»* (КП, 12.10.93 - оценка «Октября» в истории России), *«Предлагают посетить места боевой славы последней октябрьской революции»* (МН, 1993, 43 - места боев в Москве стали для некоторых предпринимателей аттракционами), *«Профессор, наставник бестолковой молодежи, родившийся 7 ноября, возможно, одновременно с залпом из Авроры»* (НС, 1990, 12 - октябрьские символы толкуются, как символы зла). Та же символика действует и в следующем примере - *«Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников... Вот тебе и ленинское отношение к культуре! Так что основоположник накинул удочку Христу Спасителю»* (НС, 1990, 12 - имеет-

ся в виду последующая ликвидация известного храма в Москве, как результат антирелигиозной борьбы Ленина), *«Революция, пожирющая своих детей»* (НГ, 13.10.93 - судьба некоторых участников октябрьского бунта).

Современникам напоминаются и послеоктябрьские события со многими реформами, страданиями, надеждами и ожиданиями - «В конце октября 1993 года Белый дом был советской властью минус электрификация» (ЛГ, 1994, 8 - в оригинале «плюс электрификация - коммунизм» - описание Верховного Совета после отключения электричества президентской стороной). Октябрьские и послеоктябрьские времена 1917 года создали много этнокультурных языковых единиц, смысл которых в современности пародируется - *«Плюс электрификация минус нормальная жизнь»* (Изв., 13.10.93 - критическая оценка всего советского периода). Некоторые мероприятия большевиков и Ленина особенно живо и язвительно вспоминаются и сегодня. Известная фраза матроса Железняк *«Караул устал»*, произнесенная после роспуска Учредительного собрания, в котором большевики были в меньшинстве, вспомнилась после отмены почетного караула у мавзолея Ленина - *«Вот сейчас зайду и скажу: «Караул устал»* (О, 1993, 47 - карикатура солдата у мавзолея). Та же реплика употребляется и в других ситуациях - *«Караул устал в магазине»* (РТ, 18.1.94), *«Из телевизионного нзпа попадаете в реальный военный коммунизм»* (Нед., 1991, 42 - противоречие между обещаниями ТВ и реальной ситуацией в магазинах).

Историзм советского периода в русском языке был в значительной мере пополнен эпохой Сталина. Данные устойчивые языковые единицы функционируют в современной публицистике как синонимы самого жестокого насилия, прикрытого разными номинативными единицами часто с невинным первичным значением. Это настоящая ложь в языке. Сталинские историзмы вошли глубоко в сознание многих жителей СССР и зарубежья. Они и сегодня вызывают самые неприятные ассоциации - *«Доброе старое время, когда все решали тройки»* (О, 1990, 51 - сталинские трибуналы, состоящие из трех человек, которые в кратчайшие сроки выносили самые суровые приговоры). Для сталинской эпохи, особенно для 30-ых годов, стал употребляться соответствующий термин - *«Большой террор»* (ЛГ, 1993, 49 - о современной преступности). Официальная пропаганда наделяла Сталина многими эпитетами, экспрессивными выражениями. До наших дней они функционируют в роли продуктивных синтаксических моделей с остро сатирическим авторским замыслом. Известное предложение этих лет - *«Гений всех времен и народов»* - было употреблено для пародизации Хасбулатова и его попытки относительно политической власти следовать следующим образом - *«Спикер всех времен и народов»* (О, 1993, 40-41). Парадоксы истории зафиксированы и высказываниями самого Сталина. В пик репрессий им было произнесено предложение

«Жить стало лучше, жить стало веселей». В современном контексте оно стало источником разных сатирических перифраз - «*Жить стало не лучше, жить стало веселей*» (О, 1993, 37), «*Жить стало хуже. Но веселей*» (РГ, 5.2.93). Некоторые выражения из тюремной среды сталинских лагерей благодаря горбачевской гласности известны массовому читателю - «*Шаг влево, шаг вправо - считается ...*» (РГ, 19.10.93 - в оригинале последнее было слово «побегом»). Известная фраза конвоиров, которая говорила об их вседозволенности по отношению к заключенным - в данном случае их могли расстреливать).

Сталинское время надолго останется в народной памяти и благодаря его «языковому материалу». Для потомков его будут напоминать словесные единицы, за которыми скрыты драма и трагедия миллионов людей. Сегодня мы бы их назвали всякими «гэйттами». В журнале «Огонек» (1994, 1) был напечатан проект «Краткой энциклопедии советской эпохи», в котором в алфавитном порядке даются объяснения некоторых этноисторизмов в конкретных условиях советской истории. Среди них и следующие - *абстрактный гуманизм, аморалка, вайсманисты-морганисты, год великого перелома, краткий курс, лженаука, мирное наступление, опровержение ТАСС, принудительные работы, строгий выговор, генеральная линия, Павлик Корчагин ...* - Это настоящие компрессированные тексты с богатым сюжетом в реальном периоде, с реальными людьми и их часто сломанными судьбами. Энциклопедическое толкование этих единиц создает определенную картину советского общества, с современных позиций деформированную и неестественную. Еще в более экстремальном виде данная картина запечатлена в «Словаре тюремно-блатного жаргона» (Москва 1992, 526 с.), в котором собран большой языковой материал из советских тюрем и лагерей. Это тоже своеобразная история нации в слове.

Период ВОВ оставил глубокий след в народном сознании. В языке с тех времен остались многие устойчивые единицы, которые содержат чрезвычайные героические, легендарные и другие сюжеты, типичные для военных времен. Мы заметили определенную тенденцию в конкретной периодике. «Патриотическая» печать чаще употребляет официальные и патетические лозунги военной поры, выражения, содержащие что-то решающее. Данные языковые образования употребляются с аналогичным авторским намерением, как и в первоисточнике - «Мы сегодня на *последнем сталинградском рубеже*» (ЛР, 1990, 50 - аналогия с ситуацией во время Сталинградской битвы - негде уступать политическому противнику - «демократам»). Особенно бывшая коммунистическая пресса, представляемая группой Н. Андреевой, употребляет эмоционально-экспрессивные лозунги ВОВ, вызывая тем самым соответствующие ассоциации у читателей - «*Наше дело правое, победа будет за нами! Родина или смерть!*» (из воззвания Н. Андреевой «К текущему моменту», направленному против реформ). Хочется

заметить - митинги «патриотов» обогащаются словесно-эмоциональными элементами военной эпохи - например, 23 февраля 1993, когда их митинг был посвящен Дню Советской армии, можно было встретить изобилие подобных лозунгов, а сам митинг заканчивался «Священной войной».

Крылатые выражения данной эпохи реализуются как перифразы при оценке современной ситуации. Известное выражение политрука В. Клочкова в период битвы под Москвой - «Велика Россия, а отступать некуда» и сегодня звучит в разных обстоятельствах - то с сатирическим оттенком - «*Велика Россия, а жить негде*» (РГ, 23. 2. 93), то серьезно и критически - «*Велика Россия, но отступать уже некуда*» (СР, 2. 3. 93). С тех же времен осталось и предложение, высказанное З. Космодемьянской перед казнью - «*Всех не перевешаете*» (МК, 18. 2. 94 - комментарий к митингу русских фашистов, у которых был плакат с виселицами). К периоду Сталинградской битвы относится крылатое выражение из выступления Сталина, в котором аллегорически обещал лучшие времена и военные успехи - «*И на нашей улице наступит праздник, ей вернут старое название*» (ЛГ, 1993, 40 - подчеркнутое предложение в данном случае пародирует процесс переименований улиц, городов и т. д.). В военную эпоху бытовало словосочетание «*молотовские коктейли*» бутылки с зажигательной смесью, которые применяли антифашисты в оккупированных странах Европы. Теперь оно имеет и более собирательное значение - «*Хлеба на прибавится, колбаса на появится, а вот «молотовских коктейлей» будет предостаточно*» (Нед., 1991, 44 - много оружия в стране).

Историческими, по-видимому, оказываются и языковые элементы послевоенного и нашего времени. Официальные лозунги, так часто употребляющиеся в данную эпоху в роли официальной истины, трансформируются в сатирические сюжеты. Так зафиксированы в русском языке некоторые высказывания Хрущева. В русской печати мы несколько раз нашли его выражение - «*Догоним и перегоним Америку*», которое переделывается пропуском слова «Америка» - «*Догоним и перегоним Турцию?*» (ЛГ, 1992, 31). Встречаются и другие менее развитые страны. Если мы читаем предложение - «*Не новочеркасский вариант, а горбачевский*» (ЛГ, 1992, 31), то подразумеваем желание автора, что нужны не забастовки и конфликты с властью (как это было в Новочеркасске), а мирные переговоры всех заинтересованных стран. Из эпохи Хрущева известны выражения - «*хрущевская оттепель*» (некоторая либерализация), «*хрущевский ботинок*» (во время выступления в ООН ударил ботинком по столу), «*кукуруза*» (очередная кампания для повышения уровня сельского хозяйства) и многие другие. В том же духе функционируют и устойчивые выражения, которые часто употреблялись особенно в эпоху Брежнева - «*Прошу принять меня в Партию любителей пива. Хочу активно работать во фракции кваса. Да*

здравствует квасовая солидарность!» (ЛГ, 1994, 11 - комический эффект достигается заменой по-звучанию подобных слов «классовый» - «квасовый»). Та же эпоха отметилась и многими официальными лозунгами с «превосходной оценкой» всего советского - «Наше экономическое падение - *самое свободное в мире!*» (ЛГ, 1994, 9 - пародия на состоявшие экономики).

Уже на другом месте упоминаемая Н. Андреева «прославилась» своим антиреформным письмом - «Не могу поступиться принципами» (СР, 13.3.88). Оно реализуется в русской печати при характеристике консервативных позиций конкретных деятелей - «Все это вынудило Кастро *поступиться принципами*» (ЛГ, 1992, 31 - Кастро уступает некоторым требованиям оппозиции). После распада СССР появилось в русском языке устойчивое словосочетание «ближнее зарубежье», относящееся к бывшим союзным республикам - «Если мы не поспешим возлюбить *ближнее зарубежье*, то оно станет для нас дальним» (ЛГ, 1994, 9). Победа партии Жириновского в последних выборах 12.12.93 пародируется в предложении - «Швейная фабрика *«Большевичка»* будет называться *«Либерал-демократка»*» (ЛГ, 1994, 9).

Языковые элементы зарегистрированные нами в современной русской публицистике иллюстрируют, как фиксируется история в жизни слоесных единиц. Наши наблюдения показывают, что преобладают устойчивые единицы, которые постепенно приобретают вполне конкретный аксиологический статус. В своей «коммуникативной жизни» они остаются без существенных оценочных трансформаций, чем подтверждают «языковую истинность», или в измененных социальных условиях коренным образом меняют свою оценочную ориентацию. Многие этнокультурные историзмы (у некоторых авторов «этнокультуремы») служат как продуктивные лексические и синтаксические модели. В данном случае на первое место выступает «словотворчество журналиста» (Вакуров 1991). Доминирует иронико-сатирический контекст их употребления. Идеологизированные единицы этим приемом оставляют активную языковую зону, они «служили» не истине, а лжи. Другие, несмотря на упомянутый контекст, остаются в своем прагматико-оценочном плане стабильными.

Исследование аксиологической стабильности языковых элементов представляется интересным и полезным в процессе познания человеческой истории, самого человека и общества. Мы особенно подчеркиваем когнитивную и антропоцентрическую сторону подобных наблюдений. В школьной практике, как показывает наш опыт, работа с рассматриваемыми языковыми единицами предоставляет широкие возможности при осваивании языка в единстве с его этнокультурным фоном.

Сокращения газет и журналов:

Аиф -	«Аргументы и факты»
ВМ -	«Вечерняя Москва»
Изв. -	«Известия»
КП -	«Комсомольская правда»
Кур. -	«Куранты»
ЛГ -	«Литературная газета»
ЛР -	«Литературная Россия»
МК -	«Московский комсомолец»
МН -	«Московские новости»
Нед. -	«Неделя»
НВ -	«Новое время»
НГ -	«Независимая газета»
НС -	«Наш современник»
О -	«Огонек»
П -	«Правда»
РТ -	«Рабочая трибуна»
РГ -	«Российская газета»
СР -	«Советская Россия»
Эк. -	«Экспресс»

Литература:

- АРУТЮНОВА, Н. Д.: Аномалии и язык: к проблеме языковой картины мира. Вопросы языкознания, 1987, 3, с. 13-24.
- БЛАКАР, Р.: Язык как инструмент социальной власти. В сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва 1988, с. 88-126.
- БРАГИНА, А. А.: Лексика языка и культура страны. Москва 1981.
- ВАКУРОВ, В. Н.: Словотворчество журналиста. Русский язык за рубежом, 1991, 4, с. 30-35.
- ВАМПЕРСКИЙ, В. П.: О языке советского фельетона. В сб.: Стилистика газетных жанров. Москва 1991, с. 126-172.
- ВИНАРСКАЯ, Е. Н.: Выразительные средства текста. Москва 1989.
- ГУХМАН, М. М.: Литературный язык и культура. Вопросы языкознания, 1991, 5, с. 115-126.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: Словообразование и текст. Вопросы языкознания 1990, 6, с. 17-31.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Русский язык и языковая личность. Москва 1987.
- КОСТЮКОВ, В. М.: Гибридные слова - средство комического. Русская речь, 1987, 6, с. 55-57.
- МОСКАЛЬСКАЯ, О. И.: Прагматика текста. Москва 1991.

- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира (под ред. Серебrenникова Б. А. Москва 1988.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Москва 1992.
- СОЛГАНИК, Г. Я.: Поэтика публицистики. Москва 1990.
- СУПРУН, А. Е.: Текстовые реминисценции как часть языка. VIII Международный конгресс МАПРЯЛ, Доклады, Минск 1994.
- GAZDA, J.: Expresívne stylistické aspekty sémantizace okazionalizmů s cizojazyčnými elementy v současné ruské a české publicistice. In: Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, A 42, Brno 1992, s. 109-115.
- НОМОЛАЇ, J.: Transtextovost a její typy. In.: Slovo a slovesnost, 1994, 1, s. 18-33.
- МИКЛУШ, М.: Niekol'ko slov o vzťahu jazyka ku kultúre. In.: Slavistika XXVII, Prešov 1991, s. 264-272.
- VOLKOV, V.: Pragmaštylistika textu. Košice 1992.